

За свою жизнь, выработав в себе особенную впечатлительность перед *Формой*, я действительно боюсь того, что у меня пять пальцев на руке. Почему — пять? Почему не 328584598208854? А почему не все количества сразу? И почему вообще палец? Нет для меня ничего более фантастического, чем то, что здесь и сейчас я *таков, каков есть*, определенный, конкретный, именно такой, а не какой-то другой. И я боюсь ее, *Формы*, словно дикого зверя! Разделяют ли другие мое беспокойство? И насколько? Не ощущают *Форму* как я, ее автономность, ее произвольность, ее созидующую ярость, капризы, извращения, нагромождения и распады, несдержанность и безграничность, непрерывное спутывание и распутывание.

Витольд Гомбрович

Есть племя людей,
Есть племя богов,
Дыхание в нас — от единой матери,
Но сила нам отпущена разная.

Пиндар. Немейские песни. Вассиды

I

A НОКТЮРН

Туман вился вокруг дрожек, в мягких очертаниях белосерой завесы господин Бербелек силился прочесть свое предназначение. Туман, вода, дым, листья на ветру, сыпучий песок и человеческие толпы — в них видно лучше всего.

Голову клонило к кожаной обивке. Глубоко вдохнув влажный воздух, он защитился от морфы ночи, маленький человечек в дорогом пальто, со слишком гладким лицом и слишком большими глазами. Взял с сиденья газету, оставленную предыдущим пассажиром. В грязном свете проплывающих пирокийных фонарей с трудом вчитывался в гердонские литеры: буквы — как руны, как останки неких бóльших знаков, справа жирные и толстые, к левой стороне блекнувшие. Твердая бумага мялась и ломалась в перчатках. ЛУННАЯ ВЕДЬМА ВЛЮБЛЕНА. КТО ИЗБРАННИК? Колонка рядом — гравюра с морским чудищем и заголовок: ПЕРВЫЙ НИМРОД АФРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ ПОГИБ НА МОРЕ. Политический комментарий риттера Дреуга-из-Кёле: *«Действительно ли столь сложно было предвидеть союз Иоанна Чернобородого с кратистосом Семипалым? Риму, Готланду, Франконии и Неургии теперь придется прогнуться под сном Чернокнижника. Спасибо нашим дипломатам за их прекрасную рабо-*

ту!» Текст едва не сочился сарказмом. В лужах на черной мостовой отражалась Луна в третьей четверти, ее безоблачное небо открывало розовые моря, кратиста Иллея воистину должна пребывать в хорошем настроении (может, и вправду влюблена?), или же сознательно столь широко распростерла свою корону. Антос господина Бербелека редко растягивался дальше, чем на вытянутую руку, и лишь в тумане, в дыму удавалось отгадать хоть что-то по его очертаниям — может именно будущее, предсказание кисмета, как того хочет популярное суеверие. Но разве нынче вечером господин Бербелек не сгибал волю как министра Брюге, так и Шулимы? И потому поглядывал, задумчив, во вьющийся туман.

Ктлап, ктлап, ктлаппп, извозчик не погонял лошадку, ночь была тихой и теплой, момент навязывал спокойствие и задумчивость. Господин Бербелек вспоминал жар отдающего вином дыхания Шулимы и запах ее египетских духов. Нынешней весной подошло к концу владычество аскетической моды Гердона (малая победа над кратистосом Анаксегиром, по крайней мере, на этом поле), и в салоны вернулись традиционные европейские гиматии, лондонские кафтаны, рубахи без пуговиц, открывающие торс, а для женщин — кафторские платья, софоры и митани, арабские шальвары, поднимающие грудь корсеты, крикливая бижутерия для сосков. Предплечья Шулимы охватывали длинные спиральные браслеты из бронзы в виде змей, и, когда эстле Амитаче подала Бербелеку руку для поцелуя (прикосновение ее кожи почти обжигало), он заглянул гаду прямо в изумрудные глаза.— Эстле.— Эстлос.— Она уже улыбалась, хороший знак, он с первого взгляда навязал форму дружелюбия и доверительности. После она шептала ему из-за синего веера ироничные комментарии по поводу проходящих

мимо гостей. Как и по поводу своего дядюшки. Эстлос А. Р. Брюге, министр торговли княжества Неургия, недавно впутался в сложный роман с готской кавалеристкой, сотницей Хоррора, которая наверняка была сильным демиургосом,— после каждой встречи с ней Брюге возвращался чуть более милым и чуть более глупым, как смеялась Шулима. Может, и правда, министр оказался уже обработан раньше? Ведь он согласился на предложение Бербелека совершенно без сопротивления, взмахов рук и гримас, не желая даже задумываться,— вот так Торговый Дом «Ньютэ, Икита тэ Бербелек» и получил фактическую монополию на импорт мехов из Северного Гердона. Господин Бербелек торжествовал. Между одним тостом и следующим, не задумываясь, он пригласил Шулиму в свое летнее имение в Иберии. Она приподняла бровь, щелкнула веером, змея блеснула зеленым глазом.— Охотно.

Вот только теперь, считая в лужах горящие Луны и удары копыт по мостовой города во влажной тиши, господин Бербелек думает так: а если все было наоборот, если это ее антос коварно пожрал меня, и это ее упрямство вытолкнуло из моего рта оное приглашение? И, рассказывая историю о готской сотнице-демиургосе, не пыталась ли она дать мне некий намек?..

Туман поредел, сделались видны угловатые силуэты домов, склоняющиеся над открытой коляской дрожек. Классическая воденбургская архитектура никогда не облагода для Бербелека большим очарованием, все эти массивные жилища, втиснутые в извилистые ряды, улицы как каньоны каменного лабиринта, крыши, нахохлившиеся горгульями и звериными пастями, окна словно бойницы, порталы как врата гробниц, темные дворы за скрытыми в тени подворотнями, вечно мокрая брусчатка, по

которой вниз, к порту и морю, стекают ручьи городской грязи... Центр и большинство жилых кварталов столицы выстроены во времена кратистоса Григория Мрачного, когда тот властвовал в княжеском дворце. Керос Воденбурга в ту пору гнулся и плыл в огне короны кратистоса воистину будто воск, сам дворец после ухода Григория застыл в форме призрачных садов из камня и стали. Бербелека пригласили туда сразу после переезда в Воденбург, его собственный дом на контрасте казался после дворца вполне солнечным и радостным. И все же люди меняются быстрее, чем неживая материя. Спустя три поколения после Григория Мрачного воденбургцы научились смеяться и развлекаться, и Бербелек даже услышал от них за шесть лет пару шуток. Какое счастье, что Шулима родом не отсюда. Он раскрыл «Всадника сумерек» на предпоследней странице. Сегодняшняя карикатура — он напряг зрение — представляла канцлера Лёка на четвереньках, с блаженным выражением лица вылизывающего ночной горшок Чернокнижника. Что ж, Рим не сразу строился, а чувство юмора не родится из камня.

Они проехали через храмовую площадь. На ступенях Дома Иштар он увидел нескольких проституток из послушниц, бедра белели в газовом свете. Дрожки свернули, ускоряясь на идущей под уклон улице, ктлапктлапп. Он полез во внутренний карман кафтана, вытащил махронку и спички. Да-а-а. Затянулся дымом, откинул голову на кожаную обивку и загляделся на небо. Несмотря на послеобеденный дождь, было оно безоблачным, игриво мерцали звезды, Луна почти ослепляла. Лишь внизу, над портом, где на железных цепях висели воздушные свиньи, их мощные туши заслоняли звездосклон. Махорник тлел красным, господин Бербелек дохнул, блески искр полетели в ночь. Скажем, Кристофф удержит обороты на

уровне прошлого года. Но после принятия государственных заказов... Сто двадцать, сто сорок тысяч грошей чистого дохода. Пятнадцать процентов от этого... Скажем: двадцать тысяч. Я оплатил бы, наконец, долги отца и покрыл бы содержание Орланды, Марии и детей. Стоило бы также выкупить услуги какого-нибудь хорошего технителя тела. Признай, Иероним Бербелек-из-Острога: стареешь, как и всякий.

Монотонное движение дрозжек и ритмичный цокот копыт действовали усыпляюще, почти гипнотически — когда остановились, Иероним встрепенулся, как бы пробудившись от утреннего сна.

— Приехали, эстлос, — пробормотал возница.

Господин Бербелек, высаживаясь, неспешно копался в кармане в поисках мелочи.

Ворота во двор, конечно же, оказались заперты, но пирокийный свет горел над меньшими дверями, рядом. Он трижды стукнул в них серебряным набалдашником трости. Дрожки оттархтели неторопливо вверх по пустой улице, к храмовой площади. Еще одна затяжка черным махорником в холодном предрассветном полумраке, в тот самый долгий час, когда боги расправляют свои кости, а керос Вселенной становится на крупицу мягче и на крупицу ближе Материи...

— Ах, наконец-то! Я уже думал, что сегодня ночью не вернетесь! Как там бал, а? Ну, прошу ваше пальто! И перчатки. Разве дождь не пошел снова?

Господин Бербелек проигнорировал ворчливое словоизвержение старого слуги и, даже не сняв кафтана, зашел во фронтальную библиотеку. Здесь, у пустого поупитра, он начертил на маленьком листе телячьего пергамента короткую записку об успехах переговоров с министерством торговли. Дважды, по еврейской моде, сложив листок,

растопил над свечой зеленый шлак и запечатал письмо.
Еще перстень с гербом Острога и:

— Портэ! Пусть Антон доставит это в контору эстлоса
Ньютэ. Сейчас же!

Однако сам он от пюпитра не отвернулся. Этот дым
над свечкой — он поднял руку — а ведь сквозняка нет —
сабля или меч? — в листьях на ветру, в человеческой тол-
пе, в тумане, воде и дыму, в этом темном дыму — он даже
наклонился, моргая, — кривой клинок, да.

В КУПЕЧЕСКИЙ ДОМ

В тот день господин Бербелек не выспался. Воденбургскими ночами господин Бербелек спал плохо, но нынче, к тому же, еще и мало: едва пробил девятый час, как в спальню, отталкивая замерших у порога Портэ и Терезу, ступил эстлос Кристофф Ньютэ, и сразу вся сонливость принялась испаряться из Бербелекова тела, кошмары — из сознания.

— Ах, ах, ах! Иероним, чудотворец, кратистос ты мой салонный, к стопам припадаю, к стопам!

— Чума на тебя... Не открывай штор!

— Как ты это устроил, вникать не стану, скажу только, что ты достоин последнего грошика, следующий корабль у Сытина назовем твоим именем, да покажи же морду, дай тебя обниму!

— Прочь, прочь! Ты бы и сам справился, Брюге согласился бы на все, видать, ошалел от любви, голова, по крайней мере, — в небесах... Тереза! Кахвы!

Благородный Кристофф Ньютэ, риттер иерусалимский и меховой магнат — и тоже не воденбуржец (он был гердонцем во втором поколении, рожденным в Нойе Реезе Германа, сына Густава), что частично объясняло его словоохотливость. Однако жил он здесь уже дольше Бербелека, и для того представляло величайшую загадку, как

Кристоффу удается оставаться все таким же порывистым холериком, в то время как даже истинные демиургосы оптимизма и бесцеремонности после нескольких месяцев жизни под морфой Григория впадали в «воденбургскую депрессию». Но Ньютэ и вообще был — само отрицание заурядности: шесть с половиной пусов роста, два литоса живого веса, архитектурные плечи, волосы, как язык пламени — рыжая борода, рыжая грива, — и этот пещерный глас, рев пьяного медведя, даже когда он шептал — звенели рюмки.

— Я сразу составил новые заказы и курьерским отослал комиссионерам более высокие ставки на закупку, выпрем Кройцека не только из Неургии, но и из балтийских княжеств, живо себе это представляю, — продолжал господин Ньютэ. — Год-другой, не смогут же они вечно держаться на цыганских кредитах, а когда пробьемся на север —

— У Мушахина поддержка королевского казначея, — встрял Иероним, отпивая горячей кахвы с корицей.

— Ха! А разве не для этого я взял тебя в товарищество? У тебя знакомцы в восточных дворах, твоя первая родом из Москвы, верно?

— Кристофф...

— Ну, уж извини, что я вспомнил, Господин Мученик! Кристе, как же ты умеешь получать удовольствие от скорби! Помнишь, как мне пришлось вытаскивать тебя из псарни Лёка? Уж думал —

— Пошел прочь.

— Да ладно, ладно. О чем это я... Кройцек, Мушахин, братья Розарские. Ну а дальше — только сибирское ханство.

— Их не пересилить, стоимость транспортировки — Кристофф вмазал ладонью по подушке.

— Да я туда и не полезу! Наоборот! Соболя в Северный Гердон, например. Раз — и через пролив. А уж как Дедушка Мороз выморфирует тот ледяной мост из Азии в Новую Лапландию!..

— Ну-ну. Морфирует его с семисотого. Слабый антос, ему бы перебраться из Уббы к самому проливу Ибн Кады.

— И что ты так хмуро со мной, эстлос? Три прекрасные новости за утро, а он — как из могилы поднятый!

— В том-то и дело... Если человек просыпается более измученным, чем когда засыпал...

— И что же тебе снова приснилось?

— Не помню, не уверен, да и не знаю, как о таком рассказать. Представь, Кристофф, что-то такое: я заперт, но в бесконечном пространстве, бегу к месту, где уже стою, а они рубят меня до кости, и, сколько бы я ни оборачивался — оборачиваюсь не я —

— Хватит, хватит! Надо бы тебя расшевелить, а то ржавеешь тут. На тот бал я тебя тоже чуть ли не силой вытолкал — и что? Плохо сделал?

— Что за новости?

— Ах, так ты не знаешь! Тор идет на войну! Снова будут сражаться за Уук. Вообрази себе этот заказ, только зимний контингент, а еще и цены скакнут!..

— Паразит.

— Ха. А через три часа прибывает «Филипп Апостол», на рассвете прилетела птица. Раньше срока и — никаких потерь. И скажи теперь мне, что нет нужды инвестировать в собственный флот!

— Никаких потерь, потому что ты завлек на последний рейс этого перса-гекатомба. Читал вчерашний «Всадник»? Что-то сожрало клипер Компании вместе с их лучшим нимродом, и где? — в Средиземном море! А ты говоришь об океаносе!

— Именно поэтому ты тотчас воздвигнешься с ложа сего и отправишься со мной в порт. Нужно поймать Их-мета еще на трапе, пока он не подписал контракты с другими. Уж ты-то его сумеешь убедить, чувствую, вы придетесь друг другу по вкусу. В письмах он отзывался о тебе с немалым почтением — вы и вправду никогда не встречались? В любом случае, теперь у вас есть возможность, обменяетесь своими кровавыми историями, возьмешь его в баню, все за счет фирмы, да не скупись, пусть у него в голове зашумит, это только —

— Не хочется мне, — отрезал Иероним.

Кристофф с размаха хлопнул его по спине, да так, что чашка с остатками кахвы выпала из рук господина Бербелека на кровать, а с нее — на ковер.

— Верю в тебя!

— Фанатик.

Господин Бербелек поплелся в санитарииум, где Тереза уже приготовила кипяток для купели. Пар сгустился на цветном витраже, розетте, выходящей во двор дома. Лишь в эту пору дня солнечный свет изгонял со двора мокрую тень, через час там воцарятся каменные сумерки — тогда газовые пирокийные язычки, переливчато отразившись от небесно-зеленой мозаики, придадут ванной комнате облик морского аквариума. Здесь Иероним часто дремал в купели, и сны, здесь рожденные, укачивали его ласковой всего.

Господин Бербелек вообще легко и часто впадал в дрему — кроме ночи, когда, собственно, сон приходил с трудом. И так с детства, сколько себя помнил, ибо за-долго до Коленицы преследовали его черные кошмары, которые он, пробудившись, никак не мог ни пересказать, ни даже толком припомнить; оставалось лишь ощущение абсолютной потерянности и дезориентации, да тревоги

настолько глубокой, что о ней и говорить-то невозможно. Зато дни его в Воденбурге текли в бесконечной сонной ленности, зачастую он даже не поднимался с постели, не одевался, было незачем и не для чего. Слуги качали головами и ворчали вполголоса, но он не обращал внимания. Голоса, люди, свет и тьма, шум и тишина, пища со вкусом таким и эдаким, смена поры года за окнами — все это сливалось в одну теплую, клейкую массу, затапливавшую его медленными приливами, плотно залеплявшую сознание. Побороться с этим могла лишь сильная рука эстлоса Ньютэ, она вытаскивала Иеронима на поверхность. Ньютэ всегда знал, зачем и для чего.

Деньги, деньги, деньги. Казалось, что после прибытия в столицу Неургии господин Бербелек ни о чем другом и не думает, по крайней мере, не было иного стержня в его поступках. Ведь если он и вырывался из этой сети, то — не к иным желанием, а лишь в темную неподвижность и безволие, в тот тартар стариков и самоубийц, куда из Воденбурга отворялись врата широчайшие. Впрочем, следовало признать, что богатство — хоть какая-то цель, какая-то причина для жизни, может низкая, но настоящая, а из него рождались иные причины, и начиналось возрождение человечности. Например, гордость, личное достоинство — из эстетики одежд и форм этикета. Белизна рубахи и тяжесть колец на пальцах определяют значимость мгновения. Так мертвые предметы умудряются морфировать самоощущение человека — так не наиподлейшая ли мы субстанция?

Потому, когда Бербелек присоединился, наконец, к Кристоффу, одетый в выходное платье, с умашенными волосами, с зеленой леей, повязанной под подбородком, в черном, плотно застегнутом бритийском кафтане и в юграх с отполированными домашним невольником голе-

нищами, — он был на крупицу иным эстлосом Бербелеком, нежели тот, кого Кристофф застал в теплой духоте спальни; чуточку иначе мыслящим и совершенно иначе себя ведущим. В коляску эстлоса Ньютэ Иероним вскочил столь же энергично, как и сам Ньютэ. Весеннее солнце грело вовсю, он бросил на поручень хумиевое пальто. Кристофф, напротив, остался в своей широкой шубе с бровным воротником — и теперь, когда гердонец громоздился на широком сиденье, господин Бербелек выглядел подле него еще более шуплым и невзрачным.

Перед выходом он взглянул на термометр: семнадцать рисков по александрийской шкале — хотя с моря тянуло сильным холодным ветром, а по лазоревому небу мчались клочковатые облака песчаного цвета. Дымы металлургического завода Вёрнера обычно затягивали северный горизонт, но нынче ветер совладал и с ними, небо сделалось будто глазурь. Они ехали в противоположном направлении, вниз, к порту, и Иероним ни на миг не терял из виду воздушных свиней, чьи вытянутые тулова подергивались вверх-вниз и в стороны. Посчитал: семь. Прибыла одна, в цветах султаната Мальты, корзины как раз двигались. Он взглянул в сторону флагштока порта. И вправду, сообщение о прибытии «Филиппа Апостола» уже вывешено. Самого порта он пока не видел, улицы Воденбурга были исключительно извилисты: проектировали их с мыслью об обороне от британских пиратов, еще до 850 года ПУР наведывавшихся в эту часть Европы. Северные города, что покорились и выплачивали британам дань, избежали разрушений, следы коих все еще примечались в Воденбурге: например, выщербленная прибрежная стена. Ее темно-серый массив нависал над портовым кварталом города, теперь там располагались казармы текнитесов моря и якорни свиней. Из черных

глазниц башен торчали овалыные рыла столетних пиросидер.

Прежде чем выехать на портовый бульвар, коляске пришлось пробираться еще более сужающимися улочками старого купеческого квартала — и здесь она увязла на долгие минуты. Их окружила толпа, в уши ворвалась взвесь криков, смеха и громких разговоров на четырех языках, в ноздри — запахи: от обычных до самых экзотических, тех, из персидских и индусских магазинчиков, открытых «прилавков дураков», эти запахи все были острыми. Как всегда в такой толпе и суматохе, всякая вещь казалась чуть менее собой и чуть более чем-то другим, то есть ничем, вещь, слово, воспоминание, мысль, господин Бербелек рассеянно постукивал набалдашником трости по подбородку.

— А этот Ихмет...

— Да?

— У него есть семья? Где он обитает?

— Связать его землей? Хм... У этого города много преимуществ, но чарующим его назовут немногие.

— Я скорее думал о домике под Картахеной, имение подле моей виллы в будущем месяце пойдет на продажу, получил письмо, можно бы...

— Они сильно ценят подобные связи. М-м...

Не стоило забывать, что рыттер Ньютэ — се в глубине души ксенофоб. Господин Бербелек прекрасно об этом помнил, он сам оставался для Кристоффа чужаком; разве что здесь, в Неургии, чужаками были они оба. Ксенофобия Кристоффа была столь специфической, что не плодоносила ни ненавистью, ни неприязнью, ни хотя бы страхом. Просто Кристофф к каждому, кто не был гердонцем и кристианином, относился будто к дикому варвару, ожидая всего наихудшего и не удивляясь ни-